

Зоонимы и ботанимы как эмотивные номинации в позиции обращения

А.А. КИРЮШКИНА

В обращенности – речевом акте непосредственного общения («человек–человек») – наиболее активно проявляется воздействующая сила субъективных факторов, концентрируемая в особой единице коммуникации – обращении, которое занимает ведущее место среди языковых средств, призванных обеспечить ее эффективность и эмоциональность. Двойственность лингвистической природы обращения – идентификация адресата и выражение отношения – дает возможность передавать самые различные прагматические значения субъективно-оценочного отношения говорящего. Предметом рассмотрения данной статьи является использование в позиции обращения зоонимов и ботанимов, коммуникативная релевантность характерных признаков которых основывается на объективной возможности субъективного приписывания этих признаков человеку.

Ключевые слова: обращение, зоонимы, ботанимы, прагматическое значение.

In the appeal – the speech act of direct communication («person–person») – the most actively manifests the influencing force of subjective factors, concentrated in a special unit of communication – the vocative, which occupies a leading place among the language means designed to ensure its effectiveness and emotionality. The duality of the linguistic nature of the address, i.e. the identification of the addressee and the expression of the attitude, makes it possible to convey a variety of pragmatic meanings of the subjective-evaluative attitude of the speaker. The subject of this article is the use of zoonyms and botanym in the position of appeal, the communicative relevance of the characteristic features of which is based on the objective possibility of subjectively attributing these features to a person.

Keywords: vocative, zoonyms, botanym, pragmatic meaning.

Обращение – это языковое средство для выражения отношений между людьми. Обращаясь, адресат выражает чувства, которые испытывает к собеседнику. Обращение представляет собой неотъемлемую часть человеческого общения, обеспечивая контактоустанавливающую функцию и являя собой одну из самых употребительных речевых единиц.

Обращенностью – прямой апелляцией (эксплицитной адресованностью) – говорящий устанавливает с адресатом непосредственный контакт. В таком общении взаимоотношения коммуникантов проявляются наиболее активно, поэтому обращение получает особый статус среди лингвистических средств выражения эмоций человека, его оценочных суждений. Вместе с тем механизм двойного членения значения обращения (идентифицировать конкретное лицо, в данном случае адресата, и выразить отношение к нему говорящего) объясняет особенности формирования и использования в данной позиции функционально-эмотивных антропонимов.

Особенностью эмоционально-оценочной лексики является то, что эмоциональная окраска «накладывается» на лексическое значение слова, но не сводится к нему, функция чисто номинативная осложняется здесь оценочностью, отношением говорящего к называемому явлению [1, с. 37].

При этом, имена существительные и прилагательные с узуально закрепленной в словарных дефинициях оценочностью это лишь «полуфабрикаты», коммуникативнопрагматическая направленность которых реализуется в их целевом использовании говорящим субъектом [2, с. 7]. Эмотивность имен проявляется в определенных речевых условиях, поэтому в разряд функционально-эмотивных номинаций могут входить и нейтральные в своем первичном значении именные единицы, в частности, зоонимы, лексические единицы, называющие животных, птиц, рыб, и ботанимы, лексические единицы, называющие растения.

Человек с древности верил в то, что между людьми и животными существует родство, и животное было для людей «мерилом многих человеческих качеств – как физических, так и нравственных» [3, с. 92].

Естественно, что зоонимы, будучи обозначением реальных живых существ, не содержат субъективной оценки. Однако, используя зооним как имя эмоциональной обращенности к человеку, говорящий выражает свое субъективное отношение, «приписывая» ему – по ассоциации – свойства и признаки названного представителя животного мира. Наблюдения человека за окружающим миром живой природы обуславливают тот факт, что почти каждое наименование животного несет эмоциональный «довесок», служащий основой формирования эмотивной номинации [4, с. 170]. Даже в дефинициях имени встречается описание возможности использовать «переносные» признаки: *colombe* – oiseau voisin du pigeon, parfois pris comme *symbole de la douceur et de la pureté* [5, с. 259]. Или *colombe* – nom que le langage poétique donne au pigeon, surtout au pigeon blanc, *emblème de douceur, de tendresse, de pureté*, mais que l'omithologie réserve aux oiseaux d'un genre bien défini, dont le pigeon ramier est le type [6, с. 227].

На базе совмещенного видения двух образов – образа человека и образа животного – возникает семантическая двуплановость, совмещенность двух картин, в результате чего «появляется третья, вбирающая в себя необходимые существенные признаки двух предыдущих» [7, с. 9]. Меняется референция имени: при этом сдвиг денотативной соотношенности сопровождается «образованием семной структуры – экспликацией одних сем и частичным погашением других, актуализирующих первичные характеристики денотата» [7, с. 9].

Итак, денотативный компонент зоонима уходит на второй план (*animal* затушевывается, уступая место более обобщенному *être vivant*), а на первый план выступает сигнификативный, который реализуется как переносное значение. Отметим, что «перенесенные на человека названия животных обычно сохраняют в своем значении только один качественно-оценочный признак: заяц – трусливый, осёл – глупый или упрямый, обезьяна – склонный к подражанию, медведь – неуклюжий» [8, с. 348].

В высказывании:

Toi, insecte, tu t'opposes à mes projets? [9, p. 87].

говорящий субъект ставит акцент прежде всего на таком общеизвестном свойстве насекомого, как маленькие размеры (*insecte* – *petit animal invertébré articulé (Arthropodes), à six pattes, le plus souvent ailé, respirant par des trachées et subissant des métamorphoses* [5, p. 568]), подчеркивая тем самым ничтожность, мизерность, незначительность человека, к которому он обращается с речью.

Ср. также:

Qu'est-ce que tu veux qu'il fasse, ma gazelle, pour t'être agréable? [10, p. 68].

Говорящий ассоциирует *gazelle* прежде всего с таким свойством этого животного, как грациозность (ср. *gazelle* – *mammifère ruminant d'Afrique et d'Asie, de la famille des antilopes, à cornes effilées en forme de lyre et à longues pattes fines, remarquable par sa grâce et la rapidité de sa course* [5, p. 138]). Остальные признаки, являющиеся существенными при выделении этого животного из класса других животных, например, *à cornes effilées en forme de lyre*, погашаются.

Одним из активных зоонимов, используемых в позиции обращения, можно назвать существительное *chat*:

J'y ai pensé, mon chat, et si tu étais bien gentil, bien gentil, si tu m'aimais un peu, tu me laisserais t'en prêter [11, p. 326].

Ecoute, ma chatte. Je vais te charger une commission pour ton mari [11, p. 331].

Tu ferais mieux de me dire où sont tes autres comprimés et de me laisser te consoler, mon petit chat! [12, p. 90].

В данных обращениях *номинативность* активизирует признаки *petit, à poil doux, aux yeux oblongs et brillants*, как признаки *приятной внешности* они способствуют формированию положительного отношения (чему, естественно, способствует и посессив *mon, ma*).

Происходит перераспределение семантической структуры обращения: компонент *номинативность* становится «пустым» в плане идентификации *être humain* и чрезвычайно активным в плане выражения оценочного отношения: положительного (*gazelle, chat*) или отрицательного (*insecte*), что приводит к совмещенности (по оценочному знаку) с компонентом *контактность*.

По мнению Ф.А. Литвина, «потенциально все зоонимы могут быть использованы как «второе название» человека ... характеризующие его как носителя тех или иных качеств, ассоциируемых данным языковым коллективом с тем или иным животным» [13, с. 85]. При этом

лингвист отмечает, что «зооним имеет больше точек соприкосновения с разрядом названий лиц, чем любой другой разряд существительных, по известному тройному членению *animal – végétal – mineral* (животный мир – растительный мир – неживая природа) они вообще объединяются (ср. также категорию одушевленности / неодушевленности)» [13, с. 87].

Характеризующее значение присуще зоонимам имманентно, поскольку в их семантической структуре потенциально имеется сема, соотносимая с какой-либо чертой человека. Подобная обусловленность объясняется «наличием в их семантике общего с группой названий лица и в то же время принципиальным, фундаментальным противопоставлением (“не человек, а – ...”)), что становится основой разграничения антропонима и зоонима [13, с. 90].

Субъективное (ассоциативное) сопоставление, перенесение признаков животного на человека с целью выразить отношение, позволяют говорящему при переадресовке наименований животное–человек «к лексическому минимуму понятийных признаков добавить прагматические (эмотивные) признаки» [14, с. 22].

Таким образом, использование названия животных при обращении к человеку служит средством усиления эмоциональной окрашенности и выражения оценочного отношения к собеседнику.

Поиск признаков, которые связывали бы человека и растение, оказывается значительно труднее: эти признаки могут относиться к числу несущественных или субъективно приписываемых / ассоциируемых и не входить в семантическую структуру имени:

fleur – production colorée, souvent odorante, de certains végétaux [5, с. 449];

lis ou lys – plante ornementale de la famille des liliacées, à bulbe écaillé, à tige droite, à feuilles lancéolées, à grandes fleurs terminales, dont il existe de nombreuses espèces [5, с. 379];

courge – plante potagère ou ornementale de la famille des cucurbitacées [5, с. 126];

pomme – fruit du pommier [5, с. 447],

chou – plante à plusieurs variétés sauvages ou cultivées comme potagères... [5, с. 178].

Вместе с тем эти имена распространены в разговорном языке именно в своем оценочном значении, о чем свидетельствуют и словарные дефиниции:

Ср.: *fleur – ce qu’il y a de meilleur, de plus beau, de plus distingué* [6, с. 449];

courge – pop. imbécile, «gourde» [6, с. 239];

pomme – arg. individu naïf, crédule [6, с. 378];

chou – fam. être bête comme chou, être très bête; fig. et fam. terme d’affection [6, с. 724].

Номинативность ботанима-обращения условно согласуется с компонентом вторичности на базе семы *être vivant*: ср. *végétal – être vivant caractérisé par rapport aux autres (les animaux) par des mouvements et une sensibilité plus faibles* [5, с. 1121].

Другими словами, номинативность обращения в зависимости от номинации (зооним, ботаним) способна в пределах денотата *être vivant* переносить признаки *animal* или *plante* на *être humain*.

Таким образом, обращение имеет «гибкую» семантическую структуру в плане возможности идентифицировать конкретное лицо – адресата – и выразить отношение к нему говорящего, что способствует активному созданию и функционированию в данной позиции эмотивных номинаций. «Перевод» семы *être vivant (animal)* в сему *être humain* (в номинациях-обращениях *chat* ‘кот’, *lapin* ‘кролик’, *fleur* ‘цветок’ и т. п.) интенсифицирует признаковую компоненту *номинативность*, позволяет изменить референцию обращений и объединить их в функциональную подгруппу эмотивных номинаций (с семой *être humain*) [2, с. 54].

Кроме того, зоонимы и ботанимы в рассматриваемой позиции представляют собой нечто вроде эллиптических сравнений, в которых выделяется какое-то выбранное говорящим качество. В позиции обращения они содержат, как уже отмечалось, оценочный элемент и характеризуют адресата ярко и образно.

Признаковая (сигнификативная) основа эмотивных номинаций раскрывается в том, что они способны идентифицировать лицо (*être humain*) при выполнении функции обращения. Подобные прагматические единицы можно отнести к функциональным эмотивным антропонимам [2, с. 55], способным ситуативно вычленивать из «предметного мира» конкретного человека. Путь развития таких антропонимов может закончиться появлением клички/ прозвища.

Литература

1. Колесов, П. В. Ораторское искусство: Говори свободно! / П. В. Колесов. – М. : Издательский центр «Академия», 2006. – 134 с.
2. Грачева, Л. А. Обращение и проекция его семантики на формирование функционально-эмотивных номинаций во французском языке : дис. ... канд. филол. наук : 10.02.05 / Л. А. Грачева. – Минск, 2000. – 115 с.
3. Мокиенко, В. М. В глубь поговорки : рассказы о происхождении крылатых и образных выражений / В. М. Мокиенко. – СПб. : Авалон : Азбука-классика, 2007. – 253 с.
4. Михайлова, Ю. Н. Культурные коннотации зоонимов в русской и китайской фразеологии / Ю. Н. Михайлова // Известия Уральского федерального университета. – 2016. – № 4 (157). – С. 168–181.
5. Larousse dictionnaire essentiel du fran^ais contemporain. – Paris : Larousse, 2019. – 1223 p.
6. Le Grand Robert de la langue franchise contemporaine. – Paris : Edition Poche, 2017. – 1152 p.
7. Кунин, А. В. Курс фразеологии современного английского языка / А. В. Кунин. – М. : Высш. школа, 1996. – 381 с.
8. Арутюнова, Н. Д. Предложение и его смысл : логико-семантические проблемы / Н. Д. Арутюнова. – М. : URSS, 2009. – 382 с.
9. Camus, A. Caligula et autres pieces / A. Camus. – Paris : Edition «Livre de poche», 2008. – 189 p.
10. Maurois, A. Les roses de septembre (recueil de nouvelles) / A. Maurois. – Paris : Edition Grasset, 2007. – 143 p.
11. Maupassant, G. Bel ami / G. de Maupassant. – Lausanne : Editions Rencontre, 2017. – 432 p.
12. Saint-Exupery, A. Le petit prince I / A. de Saint-Exupery. – Paris : Edition Grasset, 2007. – 107 p.
13. Литвин, Ф. А. Многозначность слова в языке и речи / Ф. А. Литвин. – М. : URSS, 2005. – 120 с.
14. Шаховский, В. И. Эмотивный компонент значения и методы его описания / В. И. Шаховский. – Волгоград : ВГПИ, 2003. – 94 с.

Гомельский государственный
университет имени Франциска Скорины

Поступила в редакцию 23.09.2021